

"ПОТОК СОЗНАНИЯ" КАК ОСНОВНОЙ ПРИЁМ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА "ВЕЧЕР У КЛЭР"

Яна ГУДИМА, студентка филологического факультета
Бельцкого государственного Университета имени Алеку Руссо.
Научный руководитель: **Владимир БРАЖУК**, доктор, конференциар

Abstract: *The present article deals with the stream of conciousness concept as one of the main narrative technique in Gaito Gazdanov's novel – “An evening with Claire”.*

Keywords: *Gaito Gazdanov, An evening with Claire, stream-of-conciousness, protagonist.*

Техника «потока сознания» (с англ. Stream of conciousness), как новый стиль отслеживания мыслей героя возникает в модернистском направлении XX века в роли вспомогательной функции при создании и описании нового типа героя. Несмотря на достаточно продолжительный период существования, «поток сознания» до сих пор вызывает споры и полемику в кругу исследователей, так как они не могут дать точного определения этому явлению, что справедливо: ведь у каждого человека свое исключительное сознание, проявляющееся в разном объеме, следовательно, понимание и отражение у каждого оно получает свое – единственно верное и неповторимое.

На становление «потока сознания» огромное влияние оказало учение американского философа и психолога Уильяма Джеймса (1842-1910) о категории времени и идея длительности французского мыслителя Анри Бергсона (1859-1941). Из данных концепций следует мысль, что наше сознание уникально и вызывает трудности не только при попытке дать ему одну универсальную дефиницию, но также и определить его характер, способы проявления, объем, пространственное и временное содержание.

Роман «Вечер у Клэр» создан в форме внутреннего монолога от первого лица и является автобиографичным. Однако, стоит четко разграничивать форму внутреннего монолога и технику «потока сознания», несомненно, эти понятия граничат и имеют точки соприкосновения. Но внутренний монолог – это беседа героя с самим собой, герой может задавать себе четкие вопросы и давать на них вполне разумные ответы. Внутренний монолог часто вписывается в основную динамику сюжета, является его неотъемлемой частью и играет достаточно весомую роль в осмыслении всего произведения – его нельзя выкинуть из сюжета. Говоря о технике «потока сознания», мы не можем применить определение «разумный», поскольку это явление часто возникает в бреду, в полусне, в болезненном состоянии, когда человек не может управлять своими мыслями. Это набор впечатлений и потрясений, которые невозможно контролировать и предопределить их появление, они возникают на ассоциативном уровне в скрытых измерениях человеческого сознания и идут в разрез с логикой. Внутренний монолог стоит рассматривать как одну

из разновидностей, как один из приемов изображения потока сознания, наряду с непрямым внутренним монологом, внутренним анализом и потоком бессознательного. Доказательством вышесказанному служит мысль героя романа о работе его сознания: «никакими усилиями я не могу вдруг охватить и почувствовать ту бесконечную последовательность мыслей, впечатлений и ощущений, совокупность которых возникает в моей памяти как ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения».

Справедливо замечание исследователя И. Сухих: «Газданов превращает фабулу в поток сознания центрального персонажа, в котором внутреннее всегда значит больше, чем внешнее» [2]. Газдановский «поток сознания» - это, прежде всего, аналитика и комментирование. Любое воспоминание, всплывающее из глубин его сознания, открывает возможность для потока комментирования и объяснения тех чувств, которые возникли при этом и, таким образом, проявляются все новые образы, воспоминания и ассоциации, которые так же открывают поток новых мыслей, способных длиться до бесконечности. Автор переносит своего героя в разные миры его сознания: реально существовавшие в прошлом события, предчувствия будущего или же просто эпизоды фантазии. «Было в моих воспоминаниях всегда нечто невыразимо сладостное: я точно не видел и не знал всего, что со мной случилось после того момента, который я воскрешал: и я попеременно оказывался то кадетом, то школьником, то солдатом – и только им, все остальное переставало существовать. [...] Читая Дон-Кихота, я представлял себе все, что с ним происходило, но работа моего воображения совершалась помимо меня, и я не делал почти никаких усилий. Я не принимал участия в подвигах Рыцаря Печального Образа и не смеялся ни над ним, ни над Санчо Пансой; меня вообще как будто не было и книгу Сервантеса читал кто-то другой» [1, сс. 51-52].

Течение «потока сознания» начинается с рассмотрения героем собственного «Я», он предпринимает попытку вспомнить те события или впечатления, которые повлияли на становление и дальнейшую работу его воображения. Именно поэтому сознание героя поочередно бросает его в далекое прошлое, обратно возвращает в настоящую действительность и, в отдельных случаях, рисует идеальную картину желаемого будущего. Весь «поток сознания» окрашен восстановленными эпизодами из прошлого. Николай вспоминает свое раннее детство (3 года), когда любопытное желание понаблюдать за работой двух пильщиков, едва не стоило ему жизни: «Я смотрел на них как зачарованный и бессознательно сползал с окна» [1, с. 50]. Примечательно, что наречие – «бессознательно» в этой фразе является маркатором для всего романа, участвуя во многих последующих жизненных событиях героя. Он заново переживает смерть отца и те ощущения, которые ему пришлось испытать: «с ним погиб я, и мой чудесный корабль, и остров с белыми зданиями, который я открыл в Индийском океане». Травмированный внезапной смертью отца, и, как следствие, потерей созданной ими сказки, он вспоминает самую горькую минуту своей жизни: «Та минута, когда я, неловко вися на

руках дяди, заглянул в гроб и увидел черную бороду, усы и закрытые глаза отца, была самой страшной минутой моей жизни. [...] В ту же секунду я вдруг понял все: ледяное чувство смерти охватило меня, и я ощутил болезненное иступление, сразу увидев где-то в бесконечной дали мою собственную кончину - такую же судьбу, как судьба моего отца»[1, с. 59-60]. С этого самого момента тема смерти начинает чаще звучать в романе и неотступной тенью следует за героем: «Я жил счастливо – если счастливо может жить человек, за плечами которого стелется в воздухе неотступная тень. Смерть никогда не была далека от меня, и пропасти, в которые повергало меня воображение, казались ее владениями»[1, с. 80].

Уникальность и неповторимость газдановского героя связана, в первую очередь, с его увлечениями и, в особенности, его своеобразным восприятием. Три основные составляющие, способные пробудить в сознании героя непрекращающийся поток мыслей, размышлений, вдохновения – чтение, музыка, природа. «Самым прекрасным, самым пронзительным чувствам, которые я когда-либо испытывал, я обязан был музыке; но ее волшебное и мгновенное существование есть лишь то, к чему я бесплодно стремлюсь, - и жить так я не могу [...] музыка вдруг пробуждала во мне такие странные физические ощущения, к которым я считал себя неспособным, но с последними замиравшими звуками оркестра эти ощущения исчезали, и я опять оставался в неизвестности и неуверенности, мне часто присущими» [1, сс. 47-48].

Отдельное внимание в движении рассудка героя занимает чтение и его последующие отголоски. Первый, прочитанный Николаем рассказ, был о мальчишке-сироте, «которого учительница из милости приняла в школу. Он помогал сторожу топить печь, убирал комнаты и очень усердно учился. И вот однажды школа сгорела, и этот мальчик остался зимой на улице в суровый мороз»[1, с. 51]. Герой вспоминает: «Ни одна книга впоследствии не производила на меня такого впечатления: я видел этого сироту перед собой, видел его мертвых отца и мать и обгоревшие развалины школы; и горе мое было так сильно, что я рыдал двое суток, почти ничего не ел и очень мало спал»[1, с. 51]. Это одно из тех событий, которое герой воздвигает в ранг важных и повлиявших на его мироощущение. Отмечая другие литературные предпочтения, стоит отметить собрание сочинений Ф. М. Достоевского, а именно первый том с портретом, который у него «отобрали и спрятали; но я разбил стеклянную дверцу шкафа и из множества книг вытащил именно том с портретом»[1, с. 52]. Николай не любил тех книг, которые ему давали читать, за исключением сказок Андерсена и Гауфа. «Я читал иностранных писателей, наполнялся содержанием чуждых мне стран и эпох, и этот мир постепенно становился моим: и для меня не было разницы между испанской и русской обстановкой» [1, с. 53].

Особое место в жизни героя занимает метель и снег; описанию чувств и ощущений при наблюдении за этими явлениями, автор посвящает целый

абзац, поскольку именно эти чувства и являются истинной сущностью героя. Его желание не видеть «ни домов, ни земли, а только белый дым, и ветер, и шорох воздуха» [1, с. 95] - раскрывают его стремление быть свободным, легким, честным, независимым от предрассудков и каждодневной рутины. Все поиски и анализ героя могут быть подытожены его же фразой: «Восприятие мое никогда не бывало непосредственно сознательным, и полный смысл того, что мне объяснялось, я понимал лишь через некоторое время» [1, с. 73].

Внутренняя речь героя притягивает внимание читателя своей простотой, правдивостью и отсутствием пафосных выражений. Его речь, окрашенная воспоминаниями и философскими размышлениями, притягательна как для простого читателя, так и для литературных исследователей. Она льется легко и непринужденно, с использованием метафор и лексических оборотов. Ласло Диенеш писал: «здесь звучит музыка, язык звенит, светится, даже пахнет (как о том не раз писал Адамович), это настоящее искусство слова – не эксперименты, не опыты, а достижения, причем небывалые, экстраординарные» [3, с. 4]. Часто от классического «потока сознания» требуют отказа от знаков препинания, исключают употребление заглавных букв, вводят обрывистые фразы и слова. У Гайто Газданова мы не находим «потока сознания» такого типа. Несмотря на то, что мысли подобны речному течению, они графически и стилистически упорядочены и оформлены.

«Поток сознания», показанный Гайто Газдановым, не только передает галерею картинок-воспоминаний, но и наполнен гаммой чувств и эмоций, переполняющих героя. Впервые мы наблюдаем это явление в сцене близости героя с Клэр. «Я лежал рядом с Клэр и не мог заснуть; и, отводя взгляд от ее побледневшего лица, я заметил, что синий цвет обоев в комнате Клэр мне показался внезапно посветлевшим и странно изменившимся [...] темно-синий цвет, посветлев, нашел в себе неожиданный, матово-грустный оттенок, странно соответствовавший моему чувству и несомненно имевший отношение к Клэр» [1, с. 46].

У Гайто Газданова один «поток сознания» плавно перетекает в другой, образуя, таким образом, общую нерушимую систему, достигаемую мастерством и личным опытом автора.

Библиография:

1. ГАЗДАНОВ Г. *Собрание сочинений*: в 5 Т. Т1: Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и Заметки. М.: Эллис Лак, 2009 г., сс. 39-162.
2. СУХИХ И. КЛЭР, Машенька, ностальгия // *Звезда*, 2003 г., №4.
3. ДИЕНЕШ Л. Писатель со странным именем // Газданов Г. *Собрание сочинений* в 3-х т. Т. 1. М.: Согласие, 1996. С. 4.